

Азер Каграман оглы Каграманов

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9., Москва, 125993, Российская Федерация
gg.azaro@gmail.com
ORCID 0000-0003-0917-5379

К ПРОЕКТУ ДЕКЛАРАЦИИ О ПРАВЕ НАРОДОВ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И ФОРМАХ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ

ВВЕДЕНИЕ. Настоящая статья в определенной степени продолжает идею, высказанную в 2000 г. профессором МГИМО МИД РФ Ю.А. Решетовым, который опубликовал на страницах Московского журнала международного права оригинальный документ-проект Конвенции о праве народов на самоопределение [Решетов 2000:417–419]. Особое внимание он обратил на определение форм реализации права народов на самоопределение и, самое главное, ответ на вопрос, являются ли требования об отделении от государства имманентной формой такого права, а также круг основных субъектов права на самоопределение и, в частности, решение вопроса о том, являются ли таковыми национальные меньшинства.

Целью настоящего исследования является попытка развить соответствующие идеи Ю.А. Решетова, а также внести собственные соображения в этой связи с учетом бурно развивающихся процессов реализации права на самоопределение в современном мире.

В многосоставных государствах требования о праве на самоопределение могут варьироваться от предоставления территориального самоуправления в рамках существующего государства (автономия) и экстерриториального самоуправления (культурная автономия) до создания независимой государственности или объединения с другим государством. Между-

народное сообщество в целом неохотно соглашается с требованиями о внешнем самоопределении (сецессии), в то же время отклонение внешних притязаний на самоопределение не является абсолютным.

Рассмотрев нормативные и доктринальные особенности права на самоопределение, политические процессы, которые сопровождали международное сообщество последние 20 лет (самоопределение Крыма и вступление в состав Российской Федерации; сецессия ДНР и ЛНР из состава Украины и признание их со стороны России; косовский прецедент; провозглашение независимости Южной Осетии и Абхазии от Грузии; тлеющий более 30 лет и периодически переходящий в активную боевую фазу Нагорно-Карабахский конфликт; гражданская война в Судане и референдум 2011 г. об образовании Южного Судана; Белфастские соглашения, положившие конец притязаниям Северной Ирландии о выходе из состава Великобритании; попытка сецессии Каталонии из состава Испании и др.), автор пришел к выводу о необходимости разработки проекта Декларации о праве народов на самоопределение, содержащей наиболее актуальные положения соответствующего права и отвечающей современным вызовам, с которыми сталкиваются основные акторы этого процесса.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Основой исследования явились международно-правовые документы, консультативные заключения Международного Суда ООН, правоприменительная практика иных международно-правовых органов, современные научные труды отечественных и зарубежных ученых. Методы, применяемые в настоящем исследовании: анализ, синтез, индукция, дедуция, сравнение, классификация, систематизация, прогнозирование, а также сравнительно-правовой и формально-юридический.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Рассуждая о трудностях, связанных с правом на самоопределение, автор обращает внимание на эволюцию идеи самоопределения народов, принцип равноправия и самоопределения народов в системе основных принципов международного права, взаимодействие принципов самоопределения и территориальной целостности государств, проблему субъектов права на самоопределение, особенности сецессии, институтов *uti possidetis juris* и ремедиального отделения. Представляют интерес выводы о формах и критериях самоопределения основных его субъектов и феномена непризнанных государств. Немаловажными, как представляется, являются исследования автора относительно институциональных методов урегулирования конфликтных ситуаций, связанных с правом на самоопределение. Рассмотрев все эти проблемы, автор представляет проект соответствующей Декларации о праве народов на самоопределение и формах его реализации.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Этнические, региональные и локальные конфликты, от которых не свободен современный мир не только на-

рушают стабильность в отдельных странах, но и несут угрозу безопасности миру в целом. Именно возникающие в результате таких конфликтов территориальные споры относятся к числу наиболее острых проблем международных отношений. Для любого полиэтничного государства, в том числе и для России, крайне важно в современных условиях подлинно научное осознание принципа равноправия и самоопределения народов, адекватных форм его реализации, структурирования этнической идентичности в системе гражданской идентичности. Нахождение убедительных, обоснованных решений по затронутым аспектам будет способствовать консолидации мирового общественного мнения, разработке в конечном счете под эгидой ООН соответствующего международно-правового документа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: право на самоопределение, принципы международного права, народ, нация, малочисленные и коренные народы, национальные меньшинства, декларация о праве на самоопределение народов, *uti possidetis juris*, ремедиальная сецессия, непризнанные государства, критерии самоопределения, субъекты права на самоопределение

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Каграманов А.К. 2022. К проекту Декларации о праве народов на самоопределение и формах его реализации. – *Московский журнал международного права*. №2. С. 101–114. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-2-101-114>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

LAW AND POLITICS

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-2-101-114>

Azer Kagramanov

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russian Federation, 125993

gg.azaro@gmail.com

ORCID 0000-0003-0917-5379

Research article
Received December 2021
Approved 21 March 2022

TOWARDS THE DRAFT DECLARATION ON THE RIGHT OF PEOPLES TO SELF-DETERMINATION AND FORMS OF ITS REALIZATION

INTRODUCTION. *This article elaborates on the idea of Professor Y.A.Reshetov, who published in the Moscow Journal of International Law a draft convention on the right of peoples to self-determination. The draft convention has been one of the first attempts to draw attention to the problem of the limits of self-determination in plural States, the forms of implementation and the main subjects of the right of self-determination.*

The purpose of the study is to develop the relevant ideas of Y.A.R.Reshetov, as well as to introduce new ideas, taking into account the evolving processes of realization of the right to self-determination in the modern world.

MATERIAL AND METHODS. *The study is based on international legal instruments, advisory opinions of the International Court of Justice, the jurisprudence of other international legal bodies and contemporary research of domestic and foreign scholars. The methods used in this study are: analysis, synthesis, induction, deduction, comparison, classification, systematization, prediction, as well as comparative and formal legal approaches.*

RESEARCH RESULTS. *The territorial disputes resulting from ethnic, regional and local conflicts are among the most pressing problems in international relations. For any multi-ethnic State, including Russia, it is extremely important to have a genuine scientific awareness of the principle of equality and self-determination of peoples, adequate forms of its implementation, and structuring ethnic identity in the system of civil identity. Exploring for well-founded solutions to the matters involved will help consolidate world public*

opinion and ultimately develop an appropriate international legal mechanism under the auspices of the United Nations.

DISCUSSION AND CONCLUSION. *The articles analyses the evolution of the idea of self-determination of peoples, the place of the principle of equal rights and self-determination of peoples in the system of basic principles of international law.*

The range of subjects of the right to self-determination, the specifics of secession, institutions of uti possidetis juris, and of delays in secession, as well as questions on the forms and criteria of self-determination of the principal subjects and the phenomenon of «unrecognized States», author drafted the relevant Declaration on the Right of Peoples to Self-determination and the Modalities for its Implementation.

KEYWORDS: *right to self-determination, principles of international law, people, nation, small and indigenous peoples, national minorities, declaration on the right to self-determination of peoples, uti possidetis juris, temporary secession, unrecognized States, criteria for self-determination, subjects of the right to self-determination*

FOR CITATION: Kagramanov A. K. Towards the Draft Declaration on the Right of Peoples to Self-Determination and Forms of its Realization. – *Moscow Journal of International Law*. 2022. No. 2. P. 101–114. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-2-101-114>

The author declares the absence of conflict of interest.

Введение

Одним из источников международной напряженности по итогам сложившегося после Второй мировой войны миропорядка является сохранившееся противоречие между, с одной стороны, стремлением к отделе-

нию народов, испытывающих грубые нарушения прав человека по этническим, религиозным, языковым и другим признакам, а с другой — нежеланием или неготовностью властей соответствующих государств предоставить такую возможность. Прослеживая путь происхождения, становления и развития идеи самоопределения

народов, очевидно, что упомянутое противоречие не является феноменом XX–XXI веков. Концепция самоопределения сначала сформировалась как своего рода концепция свободы, общественного договора и либерализма, основанных на идеях Платона и Аристотеля [O'Meara 1992:14–25] и получивших диалектическое обоснование в трудах Дж. Локка, Т. Гоббса, Ж-Ж. Руссо, И. Канта и др. Свобода и правоспособность как основная характеристика человеческой субъектности являются сердцевинной концепции практической и политической философии современной эпохи, а именно нормативным и эмпирическим условием, что люди компетентны вести свободную, независимую и самостоятельную жизнь. Это учение о человеке как субъекте права, изначально равно другому и самостоятельно определяющем себя. А известная формула Протагора *Homo mensura omnium rerum est* (человек есть мера всех вещей), уходящая корнями в седую древность, получившая развитие в теориях естественного права и концепции народного суверенитета, в ходе буржуазно-демократических революций XVI–XVIII веков обрела все более четкие очертания и создала фундаментальную идею, которая явилась основой для формирования современной государственности в XIX и XX веках.

Особо следует выделить период, связанный с приданием самоопределению народов качества общепризнанного принципа международного права, некоего императива, с постепенным переводом политической категории в нормативно-правовое поле и закрепление в Уставе ООН.

1. О принципе и праве на самоопределение

В науке международного права неоднократно возникали дискуссии о противопоставлении категории самоопределения как принципа и права. Разумеется, это не одно и то же, но не существует и некоей непреодолимой стены между ними. Если право выступает юридически обязывающей нормой, предполагающей обязанность другой стороны (возникает соответствующее правоотношение), то принцип воспринимается в значительной степени как политическая категория, что отнюдь не умаляет обязательности следовать его положениям. Эта особенность напрямую вытекает из ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., определяющей принцип как «императивную норму общего международного права». Нельзя не об-

ратить внимание и на то обстоятельство, что Декларация о принципах международного права 1970 г., используя в названии документа термин «принцип» раскрывает по существу формы осуществления права на самоопределение. Характерно, что в некоторых международно-правовых документах можно встретить такое, на первый взгляд, не совсем обычное, но, по нашему мнению, вполне приемлемое словосочетание, как «принцип права народов на самоопределение».

Одной из методологических основ исследования стала трактовка принципов международного права профессором Л.П. Ануфриевой, убедительно раскрывшей диалектическое взаимодействие и органичность их идейной составляющей, и качеств нормативности [Ануфриева 2021:6–27]. В опоре на этот фундаментальный посыл, как представляется, следует выстраивать положения Устава ООН о принципе равноправия и самоопределения народов (идее) в самой тесной увязке с провозглашаемым в ряде международно-правовых документов правом народов на самоопределение (нормой, правилом поведения субъектов международного права). Многочисленные попытки юристов-международников, выстраивающих систему основных принципов, вычленив из их совокупности некое ключевое звено, обосновать своего рода иерархию принципов оцениваются как неправомерные и обреченные на неудачу [Конюхова 2006:165].

Единственно надежной основой в подходе к рассматриваемой проблеме является неукоснительное следование логике — «духу и букве» Декларации о принципах международного права 1970 г. (раздел «Общие положения», ст. 2, ч. I) и Заключительного акта СБСЕ 1975 г. (раздел «Декларация принципов», ст. X, ч. IV). Соответственно все основные принципы, во-первых, являются, взаимосвязанными и каждый из них должен рассматриваться в контексте всех других принципов; во-вторых, имеют первостепенную важность и должны одинаково и неукоснительно применяться при интерпретации каждого из них с учетом других. Исходя из этого, полагаем, что при определенных политико-правовых обстоятельствах для нахождения выхода из нередко тупиковой дихотомии «территориальная целостность — самоопределение» предпочтение может отдаваться на практике одному из упомянутых принципов. Верховным судьей во всех подобных ситуациях, обретающих международное измерение, должен оставаться Совет Безопасности ООН как гарант Устава Органи-

зации, поддержания мира и безопасности. При решении вопросов практической реализации права на самоопределение необходимо создать условия, обеспечивающие соблюдение справедливости этического понятия, ставшего одной из стержневых основ Устава ООН и находящего отражение во многих других международно-правовых документах. Имеют право на жизнь в этой связи такие метаюридические категории, как «терпимость», «добросовестность» и др. По нашему убеждению, необходимо стремиться к максимальному сближению политико-правового содержания международных договоров, отражающих *ipso facto* национальные интересы государств-участников, с их духовно-нравственным наполнением, обязательствами морального порядка, что придавало бы им дополнительную силу.

2. Территориальная целостность или неприкосновенность?

Для полноценного понимания принципа территориальной целостности государств следует акцентировать внимание на неоднозначности перевода в Уставе ООН английского термина *integrity* в аутентичном русском тексте: в п. 4 ст. 2 — как «неприкосновенность»; во всех других случаях — как «целостность». Следуя логике рассуждений одного из разработчиков Устава ООН С. Б. Крылова [Крылов 1960:260], исследователь исходит из того, что за особенностями перевода стояла политическая борьба, задачей которой было признание политической независимости и территориальной неприкосновенности каждого государства. Вместе с тем действовала бы презумпция, согласно которой народы могли сами устанавливать политический строй по своему усмотрению, соответственно менялись бы и границы. Но происходить соответствующие процессы должны легитимно, по согласию, без применения силы.

Следует категорично выступить против и абсолютизации как принципа самоопределения народов, и его «антагониста» — принципа территориальной целостности. В опоре на решения и рекомендации ряда международных, в том числе судебных органов, можно сделать вывод, что международное право не устанавливает ни разрешительных, ни запрещающих правил, касающихся вопросов самоопределения [Хартвиг 2013:125–127]. При этом отвергаются вооруженный конфликт или иные насильственные дей-

ствия, следствием которых могли бы стать изгнание части населения территории на этнической почве и провозглашение независимости соответствующей территории или присоединение ее к другому государству.

3. Народ и нация

Восприятие понятия «народ» чрезвычайно многообразно и многоаспектно. Иногда это понятие трактуется как население, объединенное принадлежностью к одному государству (жители страны); как социальная общность, представляющая совокупность граждан, иностранцев и лиц без гражданства, постоянно проживающих в стране и обладающих возможностью выражать свою политическую волю. В российской науке конституционного права под народом принято понимать единую социально-экономическую и политическую общность людей независимо от деления на какие-либо национальные или этнические общности.

Наиболее четкие критерии, на наш взгляд, позволяющие охарактеризовать понятие «народ» были предложены в итоговом докладе и рекомендациях, выработанных в ходе международной встречи экспертов, проходившей под эгидой ЮНЕСКО 27–30 ноября 1989 г. Итак, народ это:

1. Группа индивидов, обладающая некоторыми или всеми упомянутыми чертами:
 - a) общие исторически традиции;
 - b) расовая или этническая идентичность;
 - c) культурная гомогенность;
 - d) языковое единство;
 - e) религиозная или идеологическая близость;
 - f) территориальная связь;
 - g) общая экономическая жизнь.
2. Группа должна обладать определенной численностью, не обязательно значительной, но представлять собой нечто большее, чем просто объединение индивидов в рамках государства.
3. Группа как нечто целое должна иметь волю быть воспринимаемой в качестве народа или осознать себя народом, хотя, возможно, некоторые группы или отдельные члены групп могут и не иметь таковой воли или самосознания.
4. Группа должна иметь институты или другие средства выражения своих характеристик и воли к идентичности.

Рассматривая случаи применения понятий «народ» и «нация» в международно-правовых актах и научной литературе, следует обратить

внимание на их взаимозаменяемость, а иногда и отождествление. Как представляется, народ следует рассматривать (в узком смысле) в качестве пространственной совокупности индивидов, сопряженной с определенным социально-экономическим, языково-культурным и духовным образом жизни. В широком же смысле народ характеризуется как социальная общность, обретающая политическую субъектность и становящаяся в силу этого нацией, которая воспринимается при определенных обстоятельствах как государство.

4. Критерии самоопределения народов и наций

Следуя архитектуре современного мира, определенного после окончания Второй мировой войны и создания ООН, в котором суверенитет государств играет императивную роль, сама суть права на самоопределение при реализации ее внешней формы является анархической, поскольку направлена на разрушение государственного порядка.

В нашем представлении реализация права на самоопределение его основными субъектами, а именно народами и нациями, в условиях современного миропорядка возможна в случаях и в соответствии со следующими критериями:

- освобождение от колониальной зависимости;
- реализация принципа *uti possidetis juris* (Латинская Америка, бывшая Югославия, СССР, Африка);
- возможность выхода (сецессии) из состава «родительского» государства исключительно при согласии центральных властей и / или по результатам всенародно одобренного референдума;
- ремедиальная сецессия (систематические и массовые нарушения прав конкретной группы населения со стороны государства) при условии признания выхода международным сообществом в целом.

5. Коренные народы и национальные меньшинства. Критерии самоопределения

В рамках процесса деколонизации самоопределение стало правовой основой для образования сотен новых государств. С тех пор практически прекратилось появление новых государств, основанных на этом праве. Тем не менее само-

определение по-прежнему играет важную роль в теоретических дискуссиях [Hilpold 1998:38; Ott 2008:454] и претензиях коренных народов на самоопределение. Кульминацией дискуссий стал вопрос о том, могут ли коренные народы и национальные меньшинства претендовать на государственность на основе самоопределения. Авторы сходятся во мнении, что подобное развитие событий возможно лишь в том случае, когда коренные народы систематически подвергаются наиболее серьезным нарушениям прав человека либо ограничены в реализации внутреннего самоопределения. Анализируя драматические события, разворачивающиеся на наших глазах в последнее время на Украине, можно констатировать, что именно нежелание киевских властей предоставлять набор прав для коренных народов и национальных меньшинств, определенных в Минских соглашениях, послужило юридической основой для выхода Донецкой и Луганской народных республик из состава Украины.

В базовой по своему характеру Декларации ООН 1992 г. о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным или языковым меньшинствам, при перечислении основных принципов отсутствует традиционная отсылка к принципу самоопределения. В сопровождающем же Декларацию официальном Комментарии особо подчеркивается, что «права меньшинств не могут служить обоснованием требований об отчуждении от государства или его расчленении». На наш взгляд, меньшинства, а также коренные народы могут реализовать свое право на самоопределение как в виде территориальной автономии, так и самоорганизации (самоуправления) — в зависимости от их численности, особенностей расселения состояния экономики и других обстоятельств. Обе модели (территориальная и экстерриториальная) призваны обеспечить меньшинствам и коренным народам самобытное, основанное в том числе на сложившихся традициях и обычаях развитие в соответствии с основополагающими законами государства и нормами международного права.

6. Признаки легитимности сецессии

Сопоставляя разнопорядковые, хотя и тесно связанные понятия сецессии и сепаратизма, можно сделать вывод, что сепаратизм является средством, которое чаще всего в качестве цели и основной формы реализации предполагает отделение от государства какой-либо его части, не

исключая, однако, и других форм (территориальная и национально-культурная автономия). При всех условиях недопустимы ситуации, когда сепаратистские движения прибегают к услугам наемников, используют террористические и иные методы и средства, противоречащие законодательству соответствующего государства и общепризнанным международно-правовым нормам.

В этой связи важной задачей является необходимость определить приемлемые условия, своего рода критерии легитимности сепаратизма, которые не противоречили бы действующим международно-правовым и внутригосударственным (прежде всего конституционным) правовым нормам, соответствовали научной трактовке понятия народа, претендующего на осуществление соответствующей акции. В основе подхода к выработке критериев должна лежать, наряду с правовыми нормами, и такая нравственная категория, как справедливость. Это особенно важно в свете трактовки Международным Судом ООН самоопределения народов как одного из важнейших принципов международного права, имеющего характер *ergo omnes*.

Особую опасность представляют этнические чистки, лишения народов автономии, получившей ее ранее в процессе государственного строительства, а также отказ властей той или иной страны предоставить определенной ее части региональную (территориальную) автономию в соответствии с выраженной на выборах (референдуме) волей населения. Автор считает необходимым при решении вопросов формы самоопределения учитывать численность народов и наций, их историческую территориальную принадлежность, уровень финансово-экономического и социально-культурного развития. Положения Заключительного акта СБСЕ 1975 г. об «одинаковом и неукоснительном применении» каждого из принципов с учетом других было бы целесообразно воспроизвести в одной из резолюций ГА ООН или в Консультативном заключении МС ООН, выведя упомянутое положение за рамки стран — участниц ОБСЕ и придав ему таким образом общемировое звучание.

Для признания легитимности процесса самоопределения в форме сепаратизма большое значение имеет учет интересов «родительского» государства и входящих в его состав других народов. При соблюдении этого фактора отделение может быть утверждено решением высшего органа государства или итогами референдума — народного голосования по вопросу о

судьбе спорной территории. Любые попытки насильем или иными методами влиять извне на результаты волеизъявления народа являются неправомерными.

7. *Uti possidetis juris*, или метод определения границ вновь образованного государства

Немаловажное значение для решения вопросов, связанных с реализацией права народов на самоопределение, имеет принцип *uti possidetis juris*. Принцип стал применяться при решении вопросов трансформации внутренних административных границ в международные границы вновь возникших независимых государств [Lauterpacht 1952:598-599]. Принято считать, что принцип в такой интерпретации связан в первую очередь с южноамериканским континентом, где и стал в свое время эффективным инструментом предотвращения конфликтов, возникавших вокруг государственных границ государств-правопреемников Испанской колониальной империи. С учетом исторического опыта применения этой формулы для признания легитимности владения территорией, позиций Международного Суда ООН, международных арбитражных решений, взглядов зарубежных и отечественных юристов-международников [Shaw 1986:186; Jancov, Coric 2012; Мирзаев 2015:58] подчеркивается значимость *uti possidetis juris* для урегулирования некоторых территориальных споров и способность этого правового инструмента предотвращать вооруженные конфликты. Вместе с тем высказываются сомнения в целесообразности придания *uti possidetis juris* природы общего принципа международного права, возведения тем самым этой формулы в некий абсолют.

Вывод: если конфликтующим по поводу сепаратизма сторонам не удастся договориться в отношении новых государственных границ, действует формула *uti possidetis*. Подобного рода сценарии были реализованы, в частности, при распаде СССР и Югославии, деколонизации Африки и получении независимости латиноамериканскими государствами. При этом необходимо иметь в виду, что, наряду с акцентированием внимания на территориальной целостности, в поле зрения должны также всегда находиться задачи предотвращения кровопролития, противодействия захватам территории силой и этническим чисткам, решения проблем беженцев и перемещенных лиц, размещения миротворческих сил и оказания гуманитарной помощи.

8. «Правозащитная оговорка» или ремедиальная сецессия

Рассматривая значение гуманитарных аспектов в реализации сецессии, следует обращать внимание на увязку нарушений индивидуальных прав человека с коллективным правом народа на самоопределение. В рамках концепции ремедиальной сецессии принципиальное значение имеют три обстоятельства: во-первых, этой форме самоопределения придается своего рода природа «последнего средства», «исключительного решения»; во-вторых ответственность за отделение возлагается на «родительское» государство; в-третьих, речь идет о нарушениях прав человека «особой тяжести» (в основу их классификации может быть положен перечень, содержащийся в документах Всемирной Венской конференции по правам человека 1993 г.). Исходя из этого, можно утверждать, что сецессия является исключительной, крайней, но при определенных обстоятельствах единственно возможной мерой с целью устранения грубейших нарушений прав человека. Рассматривая ситуацию в Косово и вокруг нее, можно прийти к выводу о явном доминировании в научной литературе политических мотивов [Хартвиг 2013:123]; [Голубок 2011:14] в ущерб международно-правовым аспектам. В этой связи неприемлемы и некорректны утверждения о возникновении на основе косовского прецедента обычая или наличия *opinion juris*. Сохраняется необходимость строгого соблюдения резолюции 1244 СБ ООН, добросовестного выполнения сторонами конфликта (Белград и Приштина) всех согласованных ранее договоренностей. С другой стороны, рассматривая воссоединение Крыма с Россией в 2014 г. как пример ремедиальной сецессии, представляется правомерность принятых решений в связи с государственным переворотом на Украине, создавшим ситуацию конституционно-правовой неопределенности, в условиях запрета русского языка, гонения на православную церковь повлекшим грубое нарушение прав русскоязычного населения, проживающего преимущественно в Крыму и на востоке Украины.

9. Национально-территориальные формы самоопределения

Федеративная форма государственного устройства предоставляет этносам дополнительные возможности для реализации своих интере-

сов в социально-культурной жизни, духовно-религиозной, языковой и иных сферах. Позитивен опыт региональной политики Европейского Союза, в частности получившая широкое распространение деволюция — наделение регионов некоторыми управленческими функциями, возможностью избирать свои парламенты и создавать исполнительные органы. Расширение и углубление деволюции, с одной стороны, обеспечивающей регионам масштабное самоуправление, а с другой — дающей возможность сохранения прежних выгодных экономических связей, способствует более взвешенному подходу к требованиям независимости, смягчению и ослаблению сепаратистских тенденций. Во многом именно федеративное устройство на протяжении длительного этапа способствовало в целом успешному решению национального вопроса в СССР, сближению многочисленных этносов на основе учета их исторических, социально-экономических, культурно-языковых и духовно-религиозных особенностей. Привлекается внимание к концепции «консоциальной (со-общественной) демократии» А. Лейпхарта, в рамках которой федерализм рассматривается как оптимальный способ встроить в политическую систему территориально обособленные сегменты общества («систему справедливой аккомодации и компромисса») [Лейпхарт 1997:107].

В предоставлении нацменьшинствам бесспорного, однозначного права на автономию видится определенная угроза как стабильности отдельных государств, так и международной безопасности. В этой связи, с одной стороны, права меньшинств не могут сами по себе служить обоснованием требований об отделении от государства или его расчленении. Но, с другой стороны, вряд ли приемлемо утверждение, что «международное право не признает право народов на одностороннее отделение от того или иного государства» (общая рекомендация № XXI (48) Комитета по ликвидации расовой дискриминации).

Как представляется, выбор форм «территориальной аккомодации» этносов, неизбежный процесс в условиях роста национального самосознания в современном мире, определяется конкретно-историческими условиями каждого государства и преследует цель экономического и социально-культурного развития, повышения уровня и качества жизни образующего его народа при максимальном учете языковых, духовных и других элементов, присущих идентичности соответствующих этносов.

Национально-культурная автономия рассматривается как наиболее приемлемая для дисперсно расселенных народов форма их самоуправления (самоорганизации), позволяющая успешно реализовывать свои специфические интересы, решать задачи сохранения и развития самобытности и традиций без ущерба для территориальной целостности соответствующих государств. Такая своеобразная, своего рода экстерриториальная форма самоопределения, разумеется, не означает и не может означать полного отрыва от той или иной территории, но и не связана с ней напрямую, как это имеет место в территориальной автономии.

«Самоорганизацию» этносов в рамках национально-культурной автономии можно рассматривать как форму самоопределения с достаточной степенью условности, поскольку с точки зрения этимологии слово «само» предполагает именно самостоятельное определение этносом форм своего развития. «Самоорганизация» же в условиях национально-культурной автономии — это форма существования этносов, создаваемая государством в целях обеспечения условий и возможностей их самоидентификации, сохранения языка, традиций, обычаев и т. п. Если такого рода «самоорганизацию» и рассматривать в контексте самоопределения, то речь следует вести о его явно зауженном, ограниченном толковании — по аналогии с трактовкой «ограниченного суверенитета».

10. Феномен непризнанных государств. Институт признания

Анализируя феномен непризнанных государств в увязке с институтом признания в международном праве, следует акцентировать внимание на значимости факта признания, открывающего перед вновь возникающими государствами дополнительные возможности для развития сотрудничества с другими странами, реально вводящего их в круг полноправных членов международного сообщества. Чрезмерная политизированность института признания превращает его порой на практике в инструмент давления с целью реализации сугубо прагматических интересов тех или иных государств. На сегодняшний день известно большое количество исследований по теории признания.

Непризнанные государства в современном мире все в большей степени становятся акторами региональной политики, оказывают под-

час возрастающее влияние и на развитие глобальных мировых процессов. С учетом этого решающее значение приобретает восприятие международным сообществом «непризнанных», практическое взаимодействие с ними или, напротив, отторжение. При этом стоит отвергать элитарно-снобистские рассуждения, не основанные на реальных фактах о заведомо «слабых», «несостоявшихся», «рухнувших» и тому подобных «государствах-изгоях», что грубо противоречит элементарным представлениям о суверенном равенстве всех членов международного сообщества, основам международного права в целом.

Определенный интерес представляют в этой связи соображения Д. Кроуфорда о военной интервенции для обеспечения самоопределения или, напротив, в его нарушения. Может случиться так, что эффективность формирующегося субъекта превалирует и его происхождение не будет препятствовать признанию в качестве государства. Возможна, по мнению автора, ситуация, когда «незаконность происхождения» должна рассматриваться в качестве первостепенного фактора в соответствии с принципом *ex injuria non oritur jus* (в пер. с лат. «право не возникает из правонарушения»). На основе приведенных рассуждений, не всегда, на наш взгляд, последовательных, Д. Кроуфорд приходит тем не менее к ряду представляющих интерес выводов:

- применение силы государством-метрополией является нарушением п. 4 ст. 2 Устава ООН;
- помощь других государств «местным повстанцам» в реализации самоопределения может быть допустимой;
- нет и запрета на признание нового государства — «применяются нормальные критерии государственности, основанные на квалифицированной эффективности» [Crawford 2007:128].

Длительное существование и активное функционирование на международной арене непризнанных государств, особенно возникших на постсоветском пространстве, становится в современных условиях реальным фактором мировой политики, оказывает влияние на решение многих геополитических проблем. Это обстоятельство, с одной стороны, подтверждает правомерность декларативной теории признания, исходящей из факта возникновения нового государства и провозглашения им себя таковым. С другой стороны, как показывает практика, официальное признание со стороны членов ми-

рового сообщества несомненно открывает большие дополнительные возможности перед вновь возникшим территориальным образованием, а официальное принятие в ООН делает его равноправным членом мирового сообщества со всеми присущими правами и обязанностями.

В связи с вышеизложенным положение о делегии теории признания на декларативную и конститутивную в современном мире представляется достаточно условным. Отсутствие признания не является основанием для третирования возникающих государств со стороны мирового сообщества при условии, что соответствующие государства принимают на себя обязательства следовать устоявшимся принципам и общепризнанным нормам международного права. Если же вновь возникшее образование своими заявлениями и действиями представляет опасность для всеобщего мира или содержит террористическую угрозу, факта провозглашения независимости недостаточно. В каждом подобном случае вопрос, на наш взгляд, должен рассматриваться Советом Безопасности ООН, что фактически ставит перспективы развития нового государства в зависимость от признания. В случаях сессии немалое значение имеет, разумеется, и позиция «родительского» государства. Вместе с тем нельзя согласиться с утверждением о «существовании обязанности признания» [Толстых 2017:22]. Решение каждым суверенным государством о признании или непризнании вновь возникшего территориального образования в качестве своего равноправного партнера — дело сугубо добровольное, и соответствующее решение принимается каждым членом международного сообщества, исходя из своих национальных интересов.

Особого внимания заслуживает вопрос о признаках (критериях) государственности. Здесь применяется, на наш взгляд обоснованно, подход Межамериканской конвенции 1933 г. (Конвенция Монтевидео), которому придается расширительное толкование — с выходом за географические рамки, определяемые указанной конвенцией. Представляется, что важнейшим признаком государства является его суверенитет — подтвержденные легитимным (референдум, всеобщий опрос и т. п.) волеизъявлением народа (независимо от способа обретения им власти) верховенство публичной власти внутри страны и независимость вовне. В этом смысле государственный (национальный) суверенитет совпадает с суверените-

том народа, являясь реализацией его права на самоопределение.

Заключение.

Декларация о праве народов на самоопределение и формах его реализации (проект)

Генеральная Ассамблея ООН,

вновь подтверждая, что одной из основных целей Организации Объединенных Наций, как провозглашено в Уставе ООН, является поощрение и уважение к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка или религии;

вновь подтверждая также принцип равенства больших и малых наций, значение всеобщего осуществления права народов на самоопределение, суверенитет и территориальную целостность в качестве обязательного условия для реализации упомянутого принципа, а также для полного осуществления всех прав человека;

вновь подтверждая далее стремление и готовность способствовать реализации принципиальных положений, содержащихся в Уставе ООН; Всеобщей декларации прав человека; Декларации о предоставлении независимости колониальным народам; Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций; Конвенции о предупреждении геноцида и наказании за него; Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации; Международном пакте о политических и гражданских правах; Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах; Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам; Венской декларации и Программе действий, принятых на Всемирной конференции по правам человека; Декларации о правах коренных народов; Декларации о праве на развитие; Манильской Декларации о мирном разрешении международных споров, в других соответствующих международных документах, которые были приняты на всемирном или региональном уровне, а также международных договорах и соглашениях, заключенных между отдельными государствами — членами Организации Объединенных Наций;

будучи убеждена, что поощрение и защита прав лиц, принадлежащих к национальным или

этническим меньшинствам, равно как и прав коренных народов, способствуют гармоничному развитию, политической и социальной стабильности государств, в которых они проживают, укреплению дружбы и сотрудничества между народами и государствами;

признавая необходимость обеспечения более эффективного претворения в жизнь международных документов по правам человека применительно к правам лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, равно как и к коренным народам;

считая, что ликвидация массовых и грубых нарушений прав человека и народов способствовала бы созданию условий, содействующих развитию человечества;

считая также, что для развития и полного самовыражения человека и народов должно уделяться одинаковое внимание осуществлению, содействию и защите всех прав человека и основных свобод, являющихся неделимыми и взаимозависимыми, вследствие чего осуществление некоторых прав и свобод не может служить оправданием отказа в других правах человека и основных свободах;

будучи глубоко обеспокоена и встревожена вызывающими сожаление намерениями и действиями отдельных государств воспрепятствовать реализации образующих их народов права на самоопределение, экономическое и социальное развитие, культурную самоидентификацию и свободное пользование родными языками

выражая особые озабоченность и тревогу привлечением для претворения в жизнь упомянутых намерений наемников, преступная деятельность которых, решительно осуждаемая международным сообществом и ведущая к человеческим жертвам и значительному ущербу имущества, представляет угрозу миру, безопасности и самоопределению народов, является препятствием на пути осуществления народами всех прав человека,

провозглашает:

1. Вновь обратить внимание всех государств на необходимость неукоснительного соблюдения права народов на самоопределение, в силу чего они свободно, на основе строгого и добросовестного соблюдения положений Устава ООН определяют свой политический статус и осуществляют экономическое, социальное и культурное развитие. Отказ в праве на самоопре-

деление рассматривается как нарушение прав человека.

2. Любые военные действия или репрессивные меры какого бы то ни было характера, имеющие целью воспрепятствование осуществляемой в соответствии с целями и принципами Устава ООН реализации права на самоопределение, должны быть незамедлительно прекращены. Необходимо немедленно и безоговорочно освободить всех лиц, задержанных или находящихся в тюремном заключении в результате их борьбы за самоопределение, если в их действиях не содержится состав иного правонарушения.

3. Решительно осудить и привлечь к ответственности за практику использования наемников для подрыва осуществления права на самоопределение. Все государства должны предпринять необходимые меры в целях недопущения любого рода вербовки, обучения, набора или финансирования наемников, их транзита в целях осуществления акций, направленных на противодействие реализации народами права на самоопределение.

4. Призвать все государства принимать на национальном уровне необходимые меры для проведения в жизнь признанного мировым сообществом права на развитие в соответствии с Декларацией о праве на развитие 1986 г., предполагающей реализацию в полной мере самоопределения народов, в силу чего они обладают неотъемлемым правом на полный суверенитет над всеми своими природными богатствами и ресурсами, а человек является основным субъектом и бенефициаром права на развитие, при котором могут быть полностью осуществлены его права и основные свободы. Исходить из того, что развитие, демократия и уважение к правам человека и основным свободам являются взаимосвязанными и взаимоукрепляющими.

5. Лица, принадлежащие к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, имеют право пользоваться достоинствами своей культуры, исповедовать свою религию и отправлять религиозные обряды, а также свободно использовать родной язык и право на образование на родном языке в частной жизни и публично. Государства должны при необходимости принимать меры для обеспечения эффективного осуществления меньшинствами всех прав человека и основных свобод без какой бы то ни было дискриминации и на основе полного равенства перед законом.

6. Признавая присущие коренным народам самобытность и достоинство, уникальный вклад в цивилизационное многообразие, подтвердить приверженность международного сообщества их экономическому, социальному и культурному благосостоянию, созданию условий для пользования плодами устойчивого развития. Государствам следует гарантировать полное и беспрепятственное участие коренных народов во всех аспектах жизни, уделяя особое внимание вопросам, затрагивающим их специфические интересы, принимать необходимые меры по обеспечению уважения прав человека и основных свобод, равенства и недискриминации, признанию значения и многообразия самобытности, культуры и общественной организации.

7. Призвать все государства:

- принимать надлежащие меры в соответствии с их международными обязательствами и с должным учетом своих правовых систем в целях противодействия современным формам расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости;

- воздерживаться от любых действий, имеющих целью ассимиляцию лиц, принадлежащих к меньшинствам и коренным народам, вопреки их воле и защищать эти лица от действий, направленных на принудительную ассимиляцию;

- учитывая особое положение лиц, принадлежащих к меньшинствам и коренным народам, поощрять во всех областях экономической, социальной, политической и культурной жизни полное и действительное равенство между ними и лицами, принадлежащими к основным группам населения;

- предпринять незамедлительные шаги по усилению борьбы с вызывающей отторжение мирового сообщества практикой этнической чистки с целью ее скорейшего прекращения, полного искоренения, обеспечения жертвам эффективных средств правовой защиты.

8. Способами реализации права народов на самоопределение, основанными на их волеизъявлении и полном уважении политических, гражданских, социально-экономических и культурных прав могут быть национально-территориальная автономия, национально-культурная автономия, любые иные, отвечающие интересам соответствующих народов формы их самоорганизации и самоуправления.

9. В процессе реализации самоопределения народы имеют право на отделение и создание собственного суверенного государства. Это

положение не должно истолковываться как разрешение или поощрение любых действий, нарушающих или подрывающих, полностью или частично территориальную целостность или политическое единство суверенных и независимых государств, которые соблюдают принцип равноправия и самоопределения народов и в силу этого имеют правительства, представляющие интересы всего народа на их территории без каких-либо различий.

10. Обратит внимание международного сообщества на феномен непризнанных государств — существующих в течение длительного времени территориальных образований, обладающих всеми или большинством признаков государства и оказывающих заметное влияние на региональные проблемы и геополитическое соперничество. Подобное положение противоречит принципам суверенного равенства, самоопределения народов, является нередко источником грубых нарушений прав человека, несет угрозу миру и международной безопасности.

Считать целесообразным:

- включить вопрос о правовых аспектах непризнания в повестку дня Комиссии международного права ООН;

- обратиться к Международному Суду ООН с запросом о предоставлении заключения по правовым аспектам непризнания;

- рассмотреть вопрос о наделении Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКДБ) полномочиями по обеспечению правовой защиты граждан непризнанных государств и об организации (при необходимости) оказания им гуманитарной помощи.

11. Все вопросы, связанные с возможными нарушениями права народов на самоопределение, следует рассматривать на международном уровне в ЭКОСОС, Комитете по правам человека, Комитете по ликвидации расовой дискриминации, других международных органах, как универсальных, так и региональных, которые могут в свою очередь давать соответствующие рекомендации правительствам государств, в отношении которых имеются достаточные основания предполагать нарушение ими права народов на самоопределение. Отказ правительств следовать рекомендациям может рассматриваться как свидетельство их нежелания предоставить образующим соответствующие государства народам возможность участвовать в политической, социально-экономической и культурной жизни государства, реализуя тем самым свое право на

самоопределение. В таких ситуациях вопрос может быть принят к рассмотрению Генеральной

Ассамблеей и Советом Безопасности Организации Объединенных Наций.

Список литературы

1. Алексанян С.Р. 2017. К вопросу о теории ремедиальной сецессии в современном международном праве. — *Московский журнал международного права*. №4. С. 141–150. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2017-4-141-150>
2. Ануфриева Л.П. 2021. Принципы в современном международном праве (некоторые вопросы понятия, природы, генезиса, сущности и содержания). — *Московский журнал международного права*. № 1. С. 6–27. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-1-6-27>
3. Голубок С.А. 2011. О соответствии международному праву односторонней Декларации независимости Косово. Консультативное заключение Международного Суда ООН от 22 июля 2010 г. — *Международное правосудие*. № 1. С. 21–30.
4. Конюхова И.А. 2006. *Международное и конституционное право: теория и практика взаимодействия*. М.: Формула права. 493 с.
5. Крылов С.Б. 1960. *История создания Организации Объединенных Наций. Разработка текста Устава Организации Объединенных Наций (1944-1945)*. М.: Издательство ИМО. 343 с.
6. Лейпхарт А. 1997. *Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование*. М.: Аспект Пресс. 287 с.
7. Лубский А.В. 2005. *Конфликтогенные факторы на юге России: методология исследования и социальные реалии*. Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ. 192 с.
8. Мирзаев Ф.С. 2015. Принцип *uti possidetis*: история зарождения. — *Московский журнал международного права*. №2. С. 57–73. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2014-4-56-77>
9. Попов Ф.А. 2006. Сравнительный анализ действующих зон распространения сецессионизма на территории Африки и Америки. — *Вестник молодых учёных «Ломоносов»*. Выпуск III. С.98–103.
10. *Признание в современном международном праве. Признание новых государств и правительств*. Под общ. ред. Д.И.Фельдмана. 1975. М.: Международные отношения. 167 с.
11. Решетов Ю.А. 2000. К проекту Конвенции о праве народов на самоопределение. — *Московский журнал международного права*. №3. С. 417–419.
12. Толстых В.Л. 2017. Государство в историческом и международно-правовом контексте. — *Московский журнал международного права*. № 2. С. 18–28. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2017-106-2-18-28>
13. Хартвиг М. 2013. Консультативное заключение Международного Суда ООН по вопросу о Декларации независимости Косово. — *Дайджест публичного права*. № 2. С. 121–155.
14. Brownle I. 1990. *Principles of Public International Law*. 4th edition Oxford: Oxford University Press. 800 p.
15. Crawford J. 2007. *The Creation of States in International Law*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press. 870 p. DOI:10.1093/acprof:oso/9780199228423.001.0001
16. Hilpold P. 1998. Zum Jahr der indigenen Völker — eine Bestandsaufnahme zur Rechtslage. — *Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft*. Vol.97. Issue 1. S. 30–56.
17. Jankov F., Coric V. 2007. *The legality of Uti Possidetis in Definition of Kosovo's Legal Status. Conference Paper*. 2nd European Society of International Law. 32 p. URL: <https://esil-sedi.eu/wp-content/uploads/2018/04/Agora-7-Fernandez.pdf> (accessed 17.12.2021).
18. Lauterpacht H.1952. *Oppenheim's International Law. Vol. II: Disputes, War and Neutrality*. 7th ed. London: Longmans, Green & Co. 939 p.
19. O'Meara D. 1992. Der Mensch als politisches Lebewesen. Zum Verhältnis zwischen Platon und Aristoteles. — *Der Mensch — ein politisches Tier? Essays zur politischen Anthropologie*. Stuttgart: Reclam, Ditzingen. S. 14–25.
20. Ott M. 2008. *Das Recht auf Sezession als Ausfluß des Selbstbestimmungsrechts der Völker*. Berlin: Berliner Wissenschafts-Verlag. 536 s.
21. Shaw M. 1986. *Title to Territory in Africa International Legal Issues*. Oxford: Oxford University Press. 320 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198253792.001.0001

References

- Aleksanyan S.R. K voprosu o teorii remedial'noi setsessii v sovremennom mezhdunarodnom prave [On Theory of Remedial Secession in Contemporary International Law]. — *Moscow Journal of International Law*. 2017. No.4. P. 141-150. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2017-4-141-150>
2. Anufrieva L.P. 2021. Printsipy v sovremennom mezhdunarodnom prave (nekotorye voprosy ponyatiya, prirody, genezisa, sushchnosti i soderzhaniya) [Principles in Modern International Law (Certain Issues of Concept, Nature, Genesis, Substance and Scope)]. — *Moscow Journal of International Law*. 2021. No. 1. P. 6-27. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-1-6-27>
 3. Brownle I. *Principles of Public International Law*. 4th edition Oxford: Oxford University Press. 1990. 800 p.
 4. Crawford J. *The Creation of States in International Law*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press. 2007. 870 p. DOI:10.1093/acprof:oso/9780199228423.001.0001
 5. Golubok S.A. O sootvetstvii mezhdunarodnomu pravu odnostoronnei Deklaratsii nezavisimosti Kosovo. Konsul'tativnoe zaklyuchenie Mezhdunarodnogo Suda OON ot 22 iyulya 2010 g. [On the Conformity with International Law of the Unilateral Declaration of Independence of Kosovo. Advisory Opinion of the International Court of Justice of 22 July 2010]. — *Mezhdunarodnoe pravosudie*. 2011. No.1. P. 21–30. (In Russ.)
 6. Hartwig M. Konsul'tativnoe zaklyuchenie Mezhdunarodnogo Suda OON po voprosu o Deklaratsii nezavisimosti Kosovo [Advisory Opinion of the International Court of Justice on the Declaration of Independence of Kosovo]. — *Daizhest publichnogo prava*. 2013. No. 2. P. 121–155. (In Russ.)
 7. Hilpold P. Zum Jahr der indigenen Völker – eine Bestandsaufnahme zur Rechtslage. – *Zeitschrift für ver-*

- gleichende Rechtswissenschaft*. 1998. Vol.97. Issue 1. P. 30-56.
8. Jankov F., Coric V. *The legality of Utī Possidetis in Definition of Kosovo's Legal Status. Conference Paper. 2nd European Society of International Law*. 2007. 32 p. URL: <https://esil-sedi.eu/wp-content/uploads/2018/04/Agora-7-Fernandez.pdf> (accessed 17.12.2021).
 9. Konyukhova I.A. *Mezhdunarodnoe i konstitucionnoe pravo: teoriya i praktika vzaimodeistviya* [International and constitutional law: theory and practice of interaction]. Moscow: Formula prava Publ. 2006. 493 p. (In Russ.)
 10. Krylov S.B. *Istoriya sozdaniya Organizatsii Ob"edinennykh Natsii. Razrabotka teksta Ustava Organizatsii Ob"edinennykh Natsii (1944-1945)* [History of the United Nations. Drafting of the Charter of the United Nations (1944-1945)]. Moscow: Izdatel'stvo IMO Publ. 1960. 343 p.
 11. Lauterpacht H. *Oppenheim's International Law. Vol. II: Disputes, War and Neutrality*. 7th ed. London: Longmans, Green & Co. 1952. 939 p.
 12. Lijphart A. *Democracy in Plural Societies. A Comparative Exploration* (Russ. ed.: Lijphart A. *Demokratiya v mnogostavnykh obshchestvakh: sravnitel'noe issledovanie*. Moscow: Aspekt Press Publ. 1997. 297 p.)
 13. Lubskii A.V. *Konfliktogennyye faktory na yuge Rossii: metodologiya issledovaniya i sotsial'nye realii* [Conflict Factors in the South of Russia: Research Methodology and Social Realities]. Rostov-on-Donu: SKNTs VSh Publ. 2005. 192 p. (In Russ.)
 14. Mirzaev F.S. 2015. Printsip uti possidetis: istoriya zarozhdeniya [Historical Background of the Principle uti possidetis juris]. – *Moscow Journal of International Law*. 2015. No. 2. P. 57–73. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2014-4-56-77>
 15. O'Meara D. Der Mensch als politisches Lebewesen. Zum Verhältnis zwischen Platon und Aristoteles. – *Der Mensch – ein politisches Tier? Essays zur politischen Anthropologie*. Stuttgart: Reclam, Ditzingen. 1992. P. 14–25.
 16. Ott M. *Das Recht auf Sezession als Ausfluß des Selbstbestimmungsrechts der Völker*. Berlin: Berliner Wissenschafts-Verlag. 2008. 536 p.
 17. Popov F.A. Sravnitel'nyi analiz deistvuyushchikh zon rasprostraneniya setsessionizma na territorii Afriki i Ameriki [Comparative analysis of operating zones of spread of secessionism on territory of Africa and America]. – *Vestnik molodykh uchenykh "Lomonosov"*. 2006. Issue III. P. 98–103. (In Russ.)
 18. *Priznanie v sovremennom mezhdunarodnom prave. Priznanie novykh gosudarstv i pravitel'stv*. Pod obshch. red. D.I.Fel'dmana [Recognition in modern international law. Recognition of new states and governments. Ed. by D.I. Feldman]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. 167 p. (In Russ.)
 19. Reshetov Yu.A. K proektu Konventsii o prave narodov na samoopredelenie [To the draft Convention on the Right of Peoples to Self-determination]. – *Moscow Journal of International Law*. 2000. No. 3. P. 417–419. (In Russ.)
 20. Shaw M. *Title to Territory in Africa International Legal Issues*. Oxford: Oxford University Press. 1986. 320 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198253792.001.0001
 21. Tolstykh V.L. Gosudarstvo v istoricheskom i mezhdunarodno-pravovom kontekste [State in Historical and International Legal Context]. – *Moscow Journal of International Law*. 2017. No. 2. P. 18–28. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2017-106-2-18-28>

Информация об авторе

Азер Каграман оглы Каграманов,

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры практической юриспруденции, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

125993, Российская Федерация, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9.

gg.azaro@gmail.com
ORCID 0000-0003-0917-5379

About the Author

Azer Kagramanov,

Cand. Sci. (Law), Lecturer at the Department of Practical Jurisprudence, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russian Federation, 125993

gg.azaro@gmail.com
ORCID 0000-0003-0917-5379